

Из сна Августа выдернули безжалостно: острыми крючьями впились в грудь, потянули. Не открывая глаз, он взвыл, попытался одновременно и сесть, и вырвать крючья. В руках забилося что-то мягкое и пушистое, зашипело возмущенно. Рябая кошка, то ли внучка, то ли и вовсе правнучка той, самой первой, подаренной Анечкой, сердито зыркнула желтыми глазами, шмыгнула под лежак и уже оттуда завывала утробно и замогильно. Откуда в этом тщедушном тельце брался такой мощный голос, понять Августу Бергу было не дано, как и то, что заставляет его мириться со скверным характером зверюги. Уж не албасты ли?

Албасты кошек любила. Всех, которые родились от той самой первой, рябой. И если бы Августу вздумалось от кошки избавиться, закончиться это могло бы очень скверно. За почти двадцать лет знакомства и сосуществования бок о бок они с албасты не то чтобы подружились — какая уж дружба с нежитью! — но притерлись, научились друг другу не мешать. Но Август знал: случись что, албасты предпочтет ему кошку.

— Да умолкни ты! — просипел он, заглядывая под лежак и одновременно пытаясь нашарить ботинок. — Что на тебя такое нашло?

— Не на нее нашло. — Привычно дохнуло холодом и сыростью, и из рассветного сумрака выступила албасты. — На остров. Нашествие... — сказала и кончиком косы поманила затаившуюся кошку. — Если бы ты не пил, то знал бы.

Если бы не пил... Не получалось не пить. Пока Евдокия с ним оставалась, хорошо все было, расчудесно. Но Евдокия ушла, как Август ни умолял, как ни упрасивал.

— Нельзя мне, Август, тут долго. — Она гладила его по редким вихрам, и прикосновения ее прозрачных пальцев он чувствовал каждой клеточкой своего тела. — Заемная это жизнь, ты ведь понимаешь.

Он не понимал, не хотел ничего понимать.

— Я не справлюсь. — Своей ладонью он попытался накрыть ее ладони — не вышло. Да и раньше никогда не выходило. — Не выживу без тебя.

— Выживешь, не дури. — Голос ее сделался строгим, совсем как раньше, когда она была еще жива, когда он мог ее коснуться и почувствовать. — Ты сильный, я знаю. Ты только за мной не рвись, живи! Придет время — свидимся.

Вот только Август не хотел ни жить, ни дожидаться отведенного сроком времени, оттого и запил сразу, как только Евдокия ушла. Сначала пил с горя, потом от злости, что она его бросила, снова оставила одного, а потом просто по привычке. Пил, почти не хмелея, не теряя ни сил, ни памяти, понимая тщетность своих усилий. Кольцо Тайбека, то самое, за которое кто другой многим бы пожертвовал, не давало ему опуститься на самое дно, покончить с нынешним никчемным существованием. Приходили к Августу трусливые мыслишки избавиться от кольца, бросить в озеро, да

только понимал, что не получится, не хватит духу расстаться с подарком, потому что сила, которую дарило серебро, ему нравилась. Даром, что была она заемной, но в свои семьдесят с гаком чувствовал себя Август куда как лучше, чем те же двадцать лет назад. Даром, что выглядел ничемным стариком, но кровь в венах бурлила горячая, как у молодых. И с островом он справлялся один, без посторонней помощи. Никто из чернокаменных не хотел, боялись острова пуще прежнего. А Бергу-то чего бояться, когда он вон с самой страшной нежитью нынче на короткой ноге?

Албасты словно мысли его прочла, усмехнулась, обнажая бескровные десны и острые зубы, а потом нахмурилась. И кончик косы ее дернулся раздраженно, выманивая из-под лежака кошку.

— Чего пришла?

Жажда Августа не мучила, но он по привычке потянулся к ковшику с водой.

— Я пришла? — Албасты снова усмехнулась, подхватила на руки выбравшуюся на свет кошку, поскребла когтем по холке. Кошка — дьявольское отродье! — довольно заурчала. — Это не я пришла, старик, это они пришли.

— Кто — они? — Август распахнул окно, впуская внутрь злой солнечный свет, и тут же зажмурился.

— Это должно было случиться. Остров не может долго без людей. И озеро не может.

— А еще химера.

— Твое каменное детище? — Албасты приподняла одну бровь. — Ты тоже это почувствовал?

— Что я должен был почувствовать? — Правду Август знал, но признаваться себе не хотел, пусть уж лучше албасты сама скажет.

— Она проснулась — твоя химера. Или вот-вот проснется. Соскучился, старик?

Соскучился ли он? А пожалуй, и так! Как всякий родитель, всех своих детей он любил одинаково, даже тех, кто уродством и черной сутью своей скорее отпугивал, чем привлекал. Так уж получилось, что замок, который в душе Август продолжал звать химерой, тоже был его ребенком, пусть жестоким и непредсказуемым, жадным до человеческой крови, но уж какой есть... Берг скучал по тому особенному ощущению, которое пронизывало все его существо, когда ладони касались черных, шершавых стен. Каменная химера вздыхала, приветствуя своего родителя, и по чешуйчатой шкуре ее пробегала едва различимая дрожь. Так было раньше, семнадцать лет назад. Но той страшной ночью замок насытился пролившейся в его стенах кровью, надышался разлитым в воздухе ужасом, захмелел и уснул глубоким, беспробудным сном. Августу хотелось думать, что беспробудным, все же кровожадности своего детища он стыдился, но и скучал по нему в то же время. Значит, проснулась...

— Разбудили. — Албасты ответила на невысказанный вопрос. — Люди.

— Люди?..

— Пока ты пил и пьяным под лавкой валялся. — Порой она говорила как самая обыкновенная женщина, как сварливая жена, и Августа это удивляло, а иной раз даже умиляло. — На острове и в городе скоро многое изменится. То, чего вы с Евдокией боялись, неминуемо случится.

Неминуемо... А так хотелось, чтобы пронесло, чтобы тишина и прозябание, чтобы унылая старость

и скука. Выходит, не получится ни скуки, ни прозябания.

— Кто? — спросил Август и плеснул из ковшика себе в лицо. Капли воды попали на кошку, и та снова утробно зарычала.

— Пришлые. Пока только один, но чую, будет больше. Многим больше.

— А он?

— Нет. — Албасты покачала головой.

— Хорошо. — Август утер лицо несвежим рушником, недобро, как на злейшего врага, взглянул на кошку, которая принялась демонстративно вылизывать свою рябую шерсть.

— А она?

Прежде чем ответить, албасты посмотрела на него долгим взглядом. Сколько лет они знакомы, а взгляд этот вынести еще попробуй. Иной бы, наверное, с ума сошел, но Август особенный. Пусть никто об этой его особенности и не догадывается.

— Нет. — Албасты наконец отвела взгляд, покачала головой. — Я бы почувствовала.

А вот Берг ничегошеньки почувствовать не в силах, даже появление на Стражевом Камне чужаков пропустил. Захотелось снова напиться, закрыться от любых перемен.

— Не выйдет. — Албасты бережно поставила кошку на пол, напоследок почесала за ухом. — От себя не уйдешь.

— А от тебя?

— Все, что на этом острове творится, тебя касается. Ты теперь хранитель.

Хранитель... Насмешила нежить! Какой из него хранитель?! Что ему хранить?! Всех, кого любил, по-

терял, схоронил, а кого не схоронил, тому своими собственными руками дорогу на остров закрыл. Чтобы не потерять, не хоронить раньше срока... Да разве ж албасты переубедишь?

Хотел сказать что-нибудь злое, но не успел — в дверь громко постучали. Чужак — свои так бесцеремонно себя не ведут, не являются незваными гостями.

— Эй, ау! Есть кто живой?! — А голос зычный, сразу понятно, что у того, кто кричит, глотка луженая. — Мастер Берг, вы дома?!

Албасты посмотрела на Августа многозначительно, отступила в сумрак, с сумраком этим сливаясь, а он подошел к содрогающейся от стука двери, постоял в раздумьях и с неохотой отодвинул запор.

На пороге стоял человек неожиданно хрупкой комплекции для обладателя такого густого голоса. Невысокий, весь какой-то лощеный, прилизанный, в шерстяном костюме и в круглых очочках, из-за которых не разглядеть глаз.

— Мастер Берг? — Человек церемонно снял с головы шляпу и так же церемонно поклонился Августу. Очки хищно сверкнули. Или это была всего лишь оптическая иллюзия?

— С кем имею честь? — Впускать незнакомца внутрь Август не спешил, стоял, закрывая собой дверной проем, почесывал живот.

— Викентий Иванович Пилипейко, — отрекомендовался человек, так и норовя заглянуть Августу за плечо. — Поверенный Матрены Павловны Кутасовой, — добавил многозначительно. — Слыхали про такую?

— Фамилия в наших краях известная, — Август кивнул, — громкая фамилия. С Саввой Кутасовым,

помнится, мы были на короткой ноге. До тех пор пока он в тайге не сгинул.

— Прискорбный, весьма прискорбный случай. — Поверенный Пилипейко вздохнул, но скорби в его голосе Август не услышал, скорее нетерпение. — Так вот, Матрена Павловна его родственница.

— Надо полагать, не самая близкая. — Август зевнул.

— Супруга его старшего брата, ныне покойного. И тетушка Марии Саввичны Злотниковой, в девичестве Кутасовой...

— Ныне тоже покойной, — не слишком дружелюбно оборвал его Август. — От меня вам что нужно?

— Так ключи, мастер Берг. — Поверенный Пилипейко несколько не смутился. — В городе мне сказали, что ключи я могу найти у вас, что вы в некотором роде хранитель здешнего... — он прищелкнул пальцами, подбирая нужное слово, — замка.

Август поморщился, уже второй раз за утро его называли хранителем.

— Так вот, — поверенный потер сухонькие ладошки и сделался похож на паука, — мне бы хотелось ключи эти получить.

— На каком таком основании? — любопытствовал Август.

— А вот извольте! — Из внутреннего кармана пиджака Пилипейко извлек какую-то бумажку, сунул ее Августу под нос. — Все по закону, смею вас заверить! Матрена Павловна — законная наследница...

— Чего наследница?

— Всего... то есть не всего, но многого. Да там, в документе, написано. Прочтите, если сомневаетесь.

Август прочел, но из юридических хитросплетений понял только одно: Матрена Кутасова имеет право на часть золотниковских миллионов и замка. Вот и объявились наследники! А он уже и ждать перестал. Зря, выходит, надеялся.

— Так что у нас с ключами? — спросил поверенный уже вполне панибратским тоном и снова заглянул Августу за плечо. — Позвольте? Маяк, знаете ли, это тоже имущество. Если вы понимаете, о чем я.

Август понимал, очень хорошо понимал. Не зря волновалась Евдокия, не зря уговаривала его держаться, не пить, оставаться в здравом уме и твердой памяти. Пить-то он все равно пил, но вот с умом и памятью у него, слава богу, полный порядок. И того и другого хватает, чтобы понять, чем грозит ему немилость новых хозяев. А потому вместо ответа Август широко улыбнулся и гостеприимно распахнул перед незванным гостем дверь.

Внутрь Пилипейко проскользнул ужом, остановился перед захламленным столом, повел носом, сказал с мягким укором:

— Что ж у вас тут так не прибрано, мастер Берг?

— Так гостей не ждал, господин поверенный. Вы ж без предупреждения ко мне явились.

— Надеюсь, в замке порядка поболее будет. — Брезгливо, двумя пальцами, Пилипейко взял со стола один из набросков Августа, поднес к глазам, наморщил нос, всматриваясь. — Презанятная картинка, — хмыкнул и вернул набросок на прежнее место. — Я слышал, вы в прошлом известный архитектор, — сказал не без злого умысла, с явным желанием уязвить.

— Отчего же в прошлом? — не знал Пилипейко, что уязвить Августа нынче совсем непросто. — Я и сейчас. Заказы до сих пор принимаю.

А вот тут Берг душой покривил. Давненько уже не было у него никаких заказов, а наброски эти так... больше для души, чтобы окончательно не выстудилась. Пилипейко ему не поверил, но покивал, соглашаясь.

— Холодно тут у вас, однако, — сказал и пиджак застегнул на все пуговицы.

Оттого и холодно, что албасты, нежить любопытная, никуда не ушла, стоит прямо за управляющим, а коса ее зависла над его плешивой макушкой. Хоть бы не коснулась, не нужны Августу тут мертвецы. Впрочем, ему и живые тут не особо нужны.

— Озеро рядом, сыро. — Август пожал плечами.

— И в замке такая же сырость? — поинтересовался Пилипейко деловым и одновременно озабоченным тоном.

— Не знаю, давненько я в замок не заглядывал.

— А я вот, знаете ли, попытался и нарвался на существо чудовище.

— Это вы не на чудовище нарвались, а на Григория. Живет он при замке, присматривает.

— Что ж вы, мастер Берг, присматривать за чужим имуществом поставили юродивого? — В голосе поверенного прорезались недовольные нотки, и кончик косы албасты описал над его головой восьмерку.

— А никто больше не согласился. — Может, еще удастся отговорить, напугать страшными рассказами? — Место здесь, знаете ли, особенное. Жуткое место.

— Слышал. — Пилипейко кивнул, и кончик косы едва не задел его макушку. — Даже читал полицейские отчеты. Очень познавательная история.

— Познавательная? — Август, считавший себя ко всему привычным, опешил. — С полсотни смер-

тей, кровища рекой, Злотников, обезглавленный неведомой тварью в собственном доме. Это, по-вашему, всего лишь познавательная история?

— Про неведомую тварь я с вами не соглашусь. Достоверно установлено, что виновником всего случившегося был волк-людоед. Но вреда та история принесла немало. Из-за рассказней и человеческой дремучести так и не удалось продать имущество.

— Замок, что ли?

— И замок в том числе. Не мне вам рассказывать, сколько все это, — Пилипейко сделал широкий жест руками, словно пытался обнять башню, — на самом деле стоит, какие деньжищи во все это вложены. — По голосу его было совершенно ясно, что подобное расточительство господину поверенному чуждо, что он сам распорядился бы деньгами куда как рассудительнее.

— Не надо рассказывать. Все, что есть на острове, мною построено.

— Значит, вы сами все прекрасно понимаете и, надеюсь, — Пилипейко поежился, — сумеете быть полезным.

— Кому, позвольте полюбопытствовать?

— Матрене Павловне, наследнице.

— Единственной?

Пилипейко посмотрел на Августа поверх очков внимательным взглядом. Цвет глаз у него оказался невыразительный, блекло-серый.

— Не об том вы заботитесь, мастер Берг, — сказал он и не удержался-таки, обернулся. Албасты к тому времени уже исчезла, оставила вместо себя кошку. — Вам заботиться надобно об том, чтобы Матрена Павловна не сочла ваше присутствие на остро-

ве неуместным. А решение ее во многом будет зависеть от того, как я вас представлю.

Тем временем кошка, и без того имевшая скверный характер, и вовсе распоясалась, без единого звука вцепилась когтями в ногу поверенного. Остроту ее когтей Август уже изведal на собственной шкуре и взывшему от боли Пилипейко даже слегка посочувствовал, бросился на помощь со всем усердием, попытался вызволить гостя от кошачьих объятий, но, видно, перестарался, крик Пилипейко сделался еще громче, еще отчаяннее. Наконец у них получилось, кошка безмолвной тенью юркнула под лежак и там затаилась, только глазюки зыркали недобро.

— Что за тварь тут у вас?.. — Пилипейко поддернул штанину, носовым платком принялся вытирать в кровь разодранную ногу.

— Тварь и есть, — искренне согласился с ним Август. — Самая настоящая тварь. Меня давеча тоже... — Он задрал рубаху, демонстрируя следы от кошачьих когтей.

— На живодерню... шкуру содрать... — прошипел Пилипейко и одернул штанину. Вид у него был такой, что стало ясно: его б воля — Берг бы тоже оказался на живодерне, вслед за кошкой.

— Вас, господин поверенный, надо думать, следует проводить в замок? — самым невинным тоном спросил Август, носком ботинка отпихивая тянувшийся к Пилипейко кончик седой косы. Значит, не ушла албасты, видела, как обижают ее любимицу. Ну-ну...

— Проводите. Уж будьте так любезны! — Настроение Пилипейко испортилось окончательно, и вся его недавняя любезность исчезла без следа. — Я дол-

жен осмотреться, своими собственными глазами убедиться... — В чем убедиться, договаривать не стал, развернулся на каблуках и, не дожидаясь Августа, вышел из башни.

...А химера и в самом деле проснулась! Август почувствовал это сразу, как только увидел очертания замка. Еще не пришла окончательно в себя, но из сетей сна уже почти выпуталась. Кроме этого чувствовал он и еще кое-что — голод, от химеры исходящий. Голод и нетерпение. Заныло сердце, и впервые за многие годы Август Берг подумал, что уже немолод, что в глазах посторонних, таких вот, как Пилипейко, выглядит немощным стариком. В этот момент он и чувствовал себя стариком, несчастным отцом, породившим на свет божий чудовище и неспособным чудовище это разлюбить.

Пилипейко же смотрел на замок с выражением одновременно раздраженным и задумчивым. Наверное, просчитывал, удастся ли поместье продать. Не удастся! Это Август знал наверняка. Остров сам выбирает себе и хозяев, и жертв. Так уж тут повелось. А что хозяева могут в любой момент стать жертвами... Так силой на Стражевой Камень никого не тащат, все приплывают добровольно. Или думают, что добровольно.

А замок почти не изменился, разве что стал еще мрачнее, еще чернее. Разве что кусты, высаженные перед его парадным входом, одичали, некогда великолепные клумбы поросли бурьяном, а саженцы деревьев вымахали до неба. Двери замка были закрыты, и Август направился в обход, к черному ходу. Здесь, со стороны озера, изменения, произошедшие с замком, были практически незаметны. Картину, остав-

шуюся в памяти, омрачали лишь почерневшие от времени и сырости, кое-где сгнившие доски пристани. Восточная башня по-прежнему нависала над черной, с серебряным проблеском водой, а каменные горгульи сонно всматривались в свои отражения, делая вид, что им нет никакого дела до людей. Дело было, Август чувствовал это шкурой. Замок следил за чужаками не только глазами горгулий, но и провалами давно немых окон. Впрочем, следил не только замок.

— Григорий, выходи! — позвал Август. — Я же знаю, ты нас видишь! Выходи, кому говорю!

Ждать пришлось долго, Август уже подумал было, что Гришки в замке нет, как дверь черного хода с пронзительным скрипом приоткрылась. В появившуюся щель протиснулось крупное косматое существо. Юродивого в этом существе Август признал лишь по рыжим, с изрядной долей седины волосам. Подумалось вдруг, что сам он, безотлучно находясь на острове, совсем не проявлял интереса ни к замку, ни к поселившемуся в нем Гришке. Такой вот никудышный из него получился хранитель.

А юродивый тем временем подходил к ним коротким, семенящим шагом. На Августа он смотрел с радостью, на поверенного Пилипейко с неприязнью.

— Ну, как ты тут, мил-человек? — Август с опаской похлопал Гришку по плечу. — Затосковал, поди? А я вот привел... — Он указал подбородком на поверенного. — Человека, новым хозяином присланного.

— Хозяйкой, — поправил Пилипейко и отступил на шаг, спрятавшись за спиной Августа.

— Он проснулся, — сказал Гришка и посмотрел на свою обмотанную грязными тряпками руку. —

Последнее-то время он плохо спал, тревожно, а теперь вот совсем...

— С рукой что у тебя, Григорий? — спросил Август, уже заранее зная ответ.

— Поранился. — Гришка равнодушно пожал плечами. — Крови много было, пахло дурно. А ему понравилось, он, как кровь почуял, так и заворочался.

— Что он говорит, этот ваш ненормальный? — На Гришку Пилипейко старался не смотреть и обращался исключительно к Августу.

— Он говорит, что от пролитой крови замок проснулся.

— Замок?..

— Это необычный остров, и все постройки на нем тоже очень особенные. Уж можете мне поверить.

— Да я уже понял, что тут у вас все с придурью! — Пилипейко по большой дуге обошел Гришку, направился к двери черного хода. — Мне сейчас важно убедиться, что с имуществом все в порядке.

— С каким имуществом? — притворно удивился Август. — Помнится, семнадцать лет назад все ценное из дома вывезли. Вот ваша Матрена Павловна, надо полагать, и вывезла.

— Матрена Павловна тогда была на сносях и в авантюры с наследством не вмешивалась.

— Ну, значит, кто-то из других наследников вывез. — Август старался идти быстро, чтобы не отстать от поверенного. — Помнится, народ разный тогда на остров приплывал. Домом тоже, кажется, интересовались, да я не вникал, мне без надобности.

— Вот и плохо, что вам все без надобности! — сказал Пилипейко сварливо и нырнул в темный проем

двери. — Всем все без надобности, а мне теперь как прикажете быть?

— Да откуда ж мне знать, как вам теперь быть? — Август сделал глубокий вдох и вошел в дом. Гришка остался верным псом сторожить снаружи. — Как-нибудь да решится все...

Внутри пахло пылью и, кажется, кровью. Впрочем, кровью вряд ли. После той страшной ночи замок отмыли и вычистили. Август хорошо помнил, как Гришка таскал из колодца воду и лил на окровавленную брусчатку, помнил, как стекали к озеру розовые ручейки, и как сыто вздыхала каменная химера. Она и сейчас вздыхала, но уже от голода. Август приложил ладонь к стене, прислушиваясь.

— Тлен и запустение, — бормотал меж тем Пилипейко, и гулкое эхо шагов его разносилось по замку. — Панели дубовые, вы только поглядите, жучок поточил! Гобелен вон от сырости почти истлел. Отчего ж гобелен не забрали?! — продолжал он возмущаться.

Август подошел к рыцарским доспехам, коснулся потускневшего шлема, стер с пальцев паутину. Тлен и запустение...

Мебель, та, которую не увезли семнадцать лет назад, была заботливо укрыта холщовыми чехлами, под которые Пилипейко не преминул заглянуть, удостовериться. Крышку клавесина, по всей видимости, никому не нужного, он поднял полным раздражения жестом, пробежался по клавишам, вырывая из деревянного нутра тихий стон. Август вздрогнул, вспоминая, как некогда клавесин этот терзали неловкие пальцы пани Вершинской. От воспоминаний сделалось немного дурно. Захотелось на воздух, прочь из

замка, но не вышло. Поверенный деловито сновал из комнаты в комнату, раскрывал дверцы шкафов, выдвигал ящики комодов, бормотал что-то себе под нос, делал заметки в записной книжке, качал головой и искал что-то, искал. Август уже начал опасаться, что с этаким-то рвением Пилипейко того и гляди отыщет потайную дверь, но обошлось, к каморке, заваленной старой рухлядью, поверенный не проявил никакого интереса. Зато в кабинете Злотникова задержался надолго. Пожалуй, кабинет был единственной комнатой в доме, которая почти не подверглась разграблению, все здесь оставалось как при прежнем хозяине: и антикварное кресло, и массивный стол, на выцветшем сукне которого расцветала уродливая бурая клякса — напоминание о бесславной кончине здешнего хозяина. На кляксу Пилипейко посмотрел без страха, скорее уж с раздражением, а потом деловито сказал:

— Такую хорошую вещь испортили. Ну ничего, распоряжусь, чтобы перетянули. Станет как новенький.

— Здесь злотниковская голова лежала, — Август указал пальцем в центр кляксы, — аккурат в этом самом месте. Считаете, перетяжка поможет?

— А вы что же, прикажете антикварный стол выбросить на помойку? — Изумление Пилипейко было искренним. — Подумаешь, кровь! Мало ли где какая кровь пролилась. Так нам теперь что же, по земле не ходить?

— Отчего же не ходить? Ходите себе сколько угодно. — Август перевел взгляд на угол комнаты. С обоев отмыть кровь тоже не удалось, и бурые капли сложились в рисунок, в котором при изрядной фантазии можно было разглядеть волчью морду. Да и по-